

**Постоянные пробные площади лесоводов
как объект музеефикации.**

А.В. Абатуров

Институт лесоведения РАН, с. Успенское Московская обл.

Доклад на VIII-ой научно-практической конференции

«Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия».

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник,

Можайск, ноябрь 2003 г.

Постоянные Пробные Площади (ППП) – участки леса размером от четверти гектара и больше, оформленные соответствующим образом для ведения длительных наблюдений за лесной растительностью.

ППП должны иметь четкие границы в виде визиров, затесов на деревьях или отметок краской. Деревья на них должны быть пронумерованы, снят план древостоя и контуры проекции крон деревьев. Минимально необходимая программа лесоводственных исследований включает перечет деревьев по породам, диаметру и состоянию (живые – сухие) при закладке пробной площади, периодическое повторение таких перечетов в течение неопределенно длительного времени и анализ этих материалов. Выбирает насаждение, закладывает пробную площадь и ведет на ней наблюдения сам исследователь по программе, сообразной его научным интересам. Обычно это делается с целью проследить в естественных условиях за динамикой процессов, идущих в живой природе, и проверки положений, полученных на модельных объектах. Продолжительность таких наблюдений ограничивается возможностями исследователя. Надо, однако, понимать, что чем больше длительность их, тем большую и более разностороннюю ценность приобретает сам объект и материалы проведенных наблюдений. Вместе с тем, повторим, все это чисто инициатива исследователя, а сохранность и самой пробной площади со всем ее оформлением и всех материалов, полученных на ней, - опять же его забота. К сожалению, часто случается так, что все его заботы прекращаются с уходом исследователя из науки, а сами объекты и материалы исчезают физически. Поучительный пример тому и полезный опыт – постоянные пробные площади, заложенные в свое время в Лесной опытной даче Петровской (затем Тимирязевской, а ныне – Московской) сельскохозяйственной академии.

Есть несколько принципиальных отличий ППП, как предмета музеефикации от многих других (а может быть и всех других). Мы ведем речь о ППП, которые находятся вне

пределов известных музейных территорий и, как правило, далеко от них. У таких ППП нет охраны в том смысле, как мы привыкли ее себе представлять. Другое важное отличие этого предмета состоит в том, что он постоянно изменяется. Музей, как учреждение культуры, сохраняющее культурные ценности, важные для истории и в повседневной жизни народа, может выступить хранителем разнообразных свидетельств жизни (динамики) леса и лесной растительности, включая материалы научных исследований на ППП и предметного ряда из материальных и виртуальных свидетельств его (леса) динамики.

Для посетителя музея ППП выступает свидетельством той природной обстановки, в которой с давних, первобытных времен мог здесь жить человек. Одним из свидетельств той природной обстановки, в которой проходило становление экономики и культуры человеческого общества. Свидетельством тех перемен, которые внес человек в окружающую природу в процессе жизнедеятельности. Все эти свидетельства важны всем нам для правильного понимания своего места и роли в существовании и направлении современных изменений в природной обстановке.

Сегодня мы находимся на переходном этапе, когда многообразное вмешательство человека в жизнь леса сменилось двумя кардинально различными видами лесохозяйственной деятельности: вырубка крупномерной древесины (спелых насаждений, преимущественно сплошной рубкой), и уход за лесом, следующий, в основном, за его естественным развитием (уборка погибающих в ходе конкурентной борьбы или при достижении предельного возраста жизни деревьев). Сегодняшние спелые насаждения со всеми их природными особенностями – это наследие прошедшего длительного этапа многообразного интенсивного лесопользования. Их дальнейшая динамика - показатель того, что мы получим на новом этапе взаимоотношений человека с лесом. Безмолвные свидетели нынешней ситуации и предмет для наблюдения за ее возможным изменением - старолесья с господством наших основных лесобразующих пород, пригодные для закладки ППП, еще встречаются, хотя и редко.

В 1975 – 1980 гг. нами заложены около 20 ППП в старолесьях Лосиногостовского Острова. В недалеком времени часть этих участков может превратиться в ни чем не привлекательные мелколесья. Но богатые сведениями из прошлой их истории развития они будут иметь большую научную и практическую ценность для лесовода. Да и для простого любителя природы, знакомство с историей современной лесной растительности, жизнью леса может оказаться неожиданно интересным. Коротко скажем об этих участках.

Ельники – одна из общепризнанных коренных формаций средней полосы России. В последние десятилетия интерес к ним значительно возрос в связи с тем, что имеющийся

под пологом их подрост не обеспечивает господство ели в следующем поколении. Это требует пересмотра концептуальных представлений о формировании породного состава наших лесов. Пробные площади в спелых ельниках заложены в искусственных насаждениях лучшей сохранности. Возраст их приближается к средней продолжительности жизни ели. Из истории лесопользования мы знаем, что в прошлом подобные же насаждения могли формироваться в процессе рубок ухода за лесом (промежуточное пользование). Наблюдения на этих пробных площадях позволяют сегодня проникнуть в жизнь лесов далекого прошлого.

Липняки, или елово-липовые древостои, иногда рассматриваются как альтернатива ельникам или замещающая их формация в богатых условиях произрастания. Чистые липняки в Подмосковье пока что большая редкость. Они интересны и с познавательной, и с эстетической точки зрения, и как, возможно, одна из широко распространенных лесных формаций в наших лесах в близком уже будущем.

Березняки издавна наиболее широко распространены в наших лесах. В зональных условиях произрастания это всегда производные леса семенного или порослевого происхождения. Постоянно широкое распространение их в наших лесах поддерживалось хозяйственной деятельностью человека. Долгое время считалось, что береза покровительствует ели в наших лесах. Но в обстановке перемен последнего времени в наших лесах, в частности, увеличения доли участия липы, клена, лещины эта тема получает новое интересное звучание.

Сосняки наряду с елью считаются у нас коренной формацией. Они встречаются во всех условиях произрастания. В спелых смешанных насаждениях сосна всегда занимает самый верхний ярус древостоя. Естественное возобновление ее есть только там, где по тем или иным причинам отсутствует подлесок и разрежен напочвенный покров. В современных нам лесах таких участков все меньше и меньше. В лесных культурах сосна отличается часто пониженной устойчивостью и к спелому возрасту насаждения ее сильно изреживают, а часто и превращают в редины. Вместе с тем, мы встретили спелый сосняк площадью более одного гектара, в котором за 25 лет не выпало ни одного дерева сосны. В 1975 г. здесь во время лесоустройства была заложена пробная площадь. Пронумерованы все деревья. Номера на деревьях хорошо сохранились, но все материалы учетные материалы, собранные тогда, утрачены.

Кленовники сегодня достаточно экзотическое явление в средней полосе России. Отдельные деревья и подрост его все чаще появляются в наших лесах в зональных условиях произрастания. В старолесьях Лосиногостовского Острова можно встретить деревья клена

до 70 см в диаметре. Хотя в высоту он не поднимается выше второго яруса (20-25 м), раскидистая крона, мозаичное расположение листьев, способность быстро сформировать вторичную крону при неожиданном изреживании древесного яруса позволяют ему успешно конкурировать с другими древесными породами. Однако клен недолговечен и при длительном совместном произрастании уступает господство липе, оставаясь вместе с тем ее постоянным спутником. В 2002 г мы заложили пробную площадь размером 100x250 м в кленовнике зеленчуково-разнотравном. В пределах этого участка может быть выделена секция с господством клена и участием в разных долях и качестве липы, ели, березы, дуба, секция с равным участием клена и липы и с господством клена при заметном участии ели (Абатуров, 2003). Как видно, на этом участке сошлись все наши основные лесообразующие породы. Установить здесь длительные наблюдения за их взаимоотношениями было бы чрезвычайно интересно.

По мере наблюдений на наших ППП в ельниках, сосняках, березняках, липняках Лосинога Острова становится все более очевидно, что монодоминантные одновозрастные древостои этих пород при естественном развитии не повторяют себя в следующем поколении. И если березняки еще в достаточной мере обеспечены подростом древесных пород, то в других древостоях перспективный подрост основных лесообразователей чаще отсутствует или представлен в ничтожном количестве (Абатуров, 2001). Искусственное же восстановление распадающихся с возрастом насаждений теми же породами обычно ведет к формированию неустойчивых (по разным причинам) древостоев. Какой же выход нашла (или найдет) природа из того сложного положения, в которое поставил ее человек? В каком виде восстановятся эти леса после естественного распада? По истечении более чем двадцатилетних исследований мы все больше склоняемся к тому, что получить ответ на эти вопросы можно будет только в процессе дальнейших исследований на ППП. Только они могут быть критерием истины в этом вопросе, да и, возможно, вообще в лесоведении.

Чтобы ППП когда-нибудь реально стали объектом интереса со стороны музеев их необходимо официально включить в число возможных (обязательных) объектов, подлежащих музеефикации. Тогда же должен быть определен и минимальный объем работ, необходимый для сохранения их музейной ценности. Это может быть поддержание необходимого оформления (обозначение границ ППП, обновление номеров деревьев и т.д.), регулярные простейшие перечеты (по породам, диаметру, состоянию), описания, фотографирование... Перечень обязательных работ должен быть небольшим, посильным для музейных работников и по квалификации, и по трудоемкости. Конечно, наибольший интерес будут представлять ППП, на которых продолжают лесоводственные

исследования. Они богаче специальными материалами из области биологии леса и интереснее для потенциальных посетителей в познавательном отношении.

По существу, ППП сами по себе являются музейными объектами и близки к музеям-заповедникам по характеру предмета заповедания и музеефикации. Речь идёт о постоянных пробных площадях лесоводов, заложенных ими для ведения многолетних научных исследований в самых различных регионах. Можно назвать счастливым случаем, если эти ППП территориально совпадут с музеем-заповедником. А если нет? Например, по всей Московской области заложены большое количество ППП, многие из которых заслуживают особого внимания. К сожалению, как мы уже говорили, сейчас нет такой структуры, которая взяла бы на себя заботу об этих объектах. Институт культурного и природного наследия, который занимается экологическими проблемами сохранения отечественного культурного и природного наследия, компетентен решать вопрос о целесообразности музеефикации объектов такого рода. Мы со своей стороны хотим показать, что ППП заслуживают отнесения к объектам отечественного культурного, научного и природного наследия и для решения проблем, с ними связанных, нуждаются для своего сохранения в музеефикации. Это и памятник природы, и истории науки, и объект научных исследований с большой историей и багажом полученных знаний, это и память о людях, которые внесли серьёзный вклад в отечественную науку.

Литература.

Абатуров А.В. Естественная смена пород в лесах ближнего Подмосковья// Лесные стационарные исследования: методы, результаты, перспективы. Материалы совещания. Москва, 18-20 сентября 2001 г. Тула. 2001. С.171-173.

Абатуров А.В. Клен в Лосином Острове// Научные труды Национального парка «Лосиный остров». М.2003